

Юрий Федоров

УЗБЕКИСТАН: НЕСТАБИЛЬНЫЙ ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ

Центральная Азия измучена стагнацией, репрессиями, необузданной коррупцией, ширящейся нищетой, углубляющимся социально-экономическим неравенством и другими проблемами, питающими растущие радикальные настроения и терроризм. В наихудшем, но возможном случае центральные власти одного или нескольких этих государств могут исчезнуть в результате борьбы соперничающих кланов или регионов за власть, открывая дорогу нарастающим преступности и терроризму, подобно тому как это происходит в рухнувших государствах, например, в Сомали или Афганистане, когда он находился под властью талибов.

Джон Д. Негропонте, директор ЦРУ, 2 февраля 2006¹.

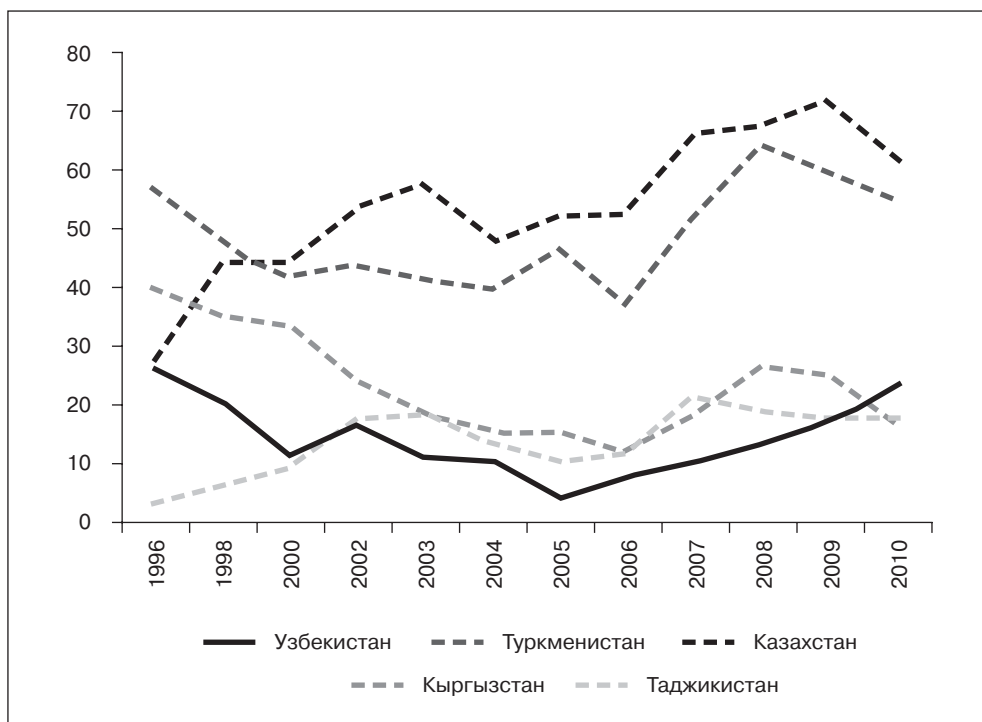
Узбекские власти часто называют свою страну *фактором стабильности* в Центральной Азии. Действительно, от отношений Ташкента с соседними государствами зависит стабильность большей части этого региона. Верно и то, что в случае выхода ситуации в стране из-под контроля обстановка в Таджикистане, на юге Киргизии, а может быть и в прилегающих к границе с Узбекистаном районах Казахстана резко осложнится, поэтому сразу возникает вопрос: насколько применимо к Узбекистану приведенное в эпиграфе высказывание Джона Негропонте? Другими словами, стабилен ли сам *фактор стабильности*?

ОЦЕНКИ И ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В последние 10–15 лет лидеры узбекской эмиграции, многие российские и зарубежные политологи неоднократно предсказывали скорый крах режима Ислама Каримова. Так, сразу после беспорядков, происшедших в Андижане в мае 2005 г., известный американский эксперт по Центральной Азии Марта Брилл Олкотт утверждала, что «если в стране не будут проведены реформы — политические и экономические — то случаи, подобные тому, что произошли в Андижане, будут повторяться, причем во многих местах. Это будут вспышки возмущения. [...] В любом случае, давление на власть со стороны недовольного населения, возмущенного ситуацией в экономике, будет усиливаться. [...] Если Каримов не изменит свои методы правления, то Узбекистан может ожидать гражданская война»².

Рис. 1. Индекс политической стабильности стран Центральной Азии, 1996–2010 гг.³

Подобных, ставших банальными, прогнозов и оценок немало. В частности, скептически оценивают ситуацию в Узбекистане эксперты Мирового банка. В середине прошлого десятилетия рассчитываемый ими индекс политической стабильности для этой страны упал до минимального значения. Это, видимо, было связано с серией взрывов и нападений на посты милиции в Ташкенте, Бухаре и ряде других городов в 2004 г., а также с беспорядками в Андижане в мае 2005 г. К концу 2000-х гг. этот показатель несколько улучшился и вышел на один уровень с Киргизией и Таджикистаном, политическое будущее которых, впрочем, вызывает серьезные сомнения, однако остался в 2–2,5 раза ниже, чем соответствующие индексы Казахстана и Туркмении.

Падение тунисского, египетского и ливийского режимов, волнения в Сирии и Йемене, на первый взгляд, подтверждают такого рода предположения. Они показали, что кажущиеся прочными авторитарные режимы на самом деле весьма неустойчивы. Причины этого обычно видят в низком уровне жизни и возникновении значительного слоя образованной и полубразованной молодежи, не имеющей возможности реализовать свои амбиции и устремления. Важное значение придается усталости от режима, правящего страной два-три десятилетия. Упомянется демонстрационный эффект — благодаря современным СМИ большая часть населения сравнивает уровень и качество жизни в развитых государствах и в собственной стране.

Все эти обстоятельства характерны для государств Центральной Азии, в том числе для Узбекистана. В частности, в 2010 г. около 60% узбекского населения было моложе 30 лет, что практически полностью совпадает с соответствующим показателем для Египта (60%) и несколько превышает его величину в Тунисе (53%)⁴. Официальная узбекская статистика бедности никакого доверия не вызывает, причем последние данные, которые можно

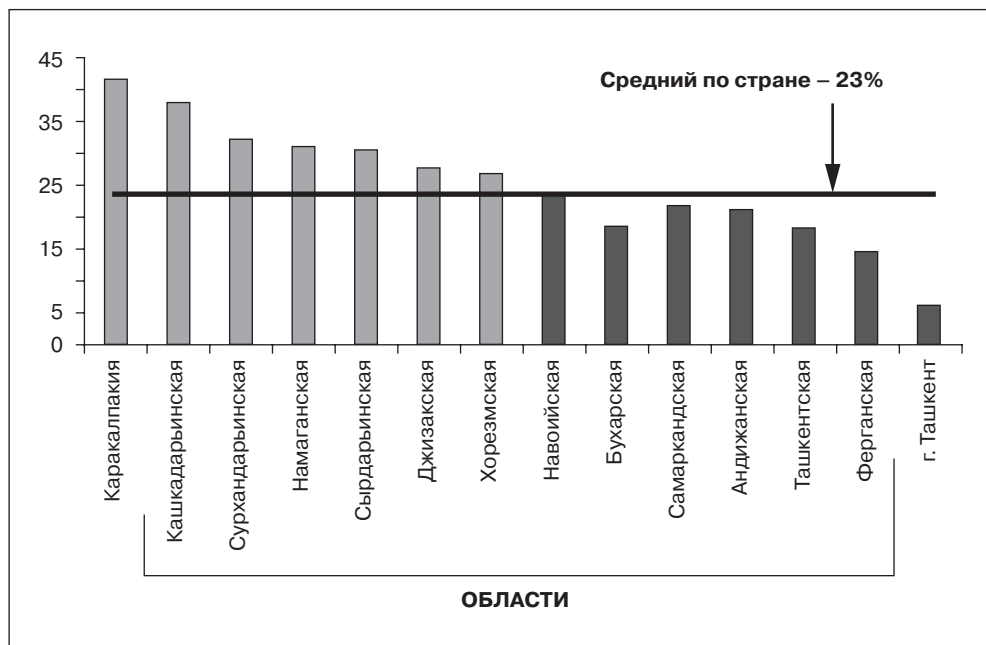
найти в узбекских источниках, относятся к 2005–2007 гг. Но даже согласно этим, скорее всего, приукрашенным данным, в среднем по стране в 2007 г. доля домохозяйств с душевыми доходами ниже национальной черты бедности была около 23–24%. При этом в половине административных регионов данный показатель был значительно выше. По мнению независимых экспертов, подлинная ситуация с бедностью в Узбекистане значительно хуже, чем это представлено в официальных публикациях. Так, по оценкам Экономической комиссии ООН для Азии и Тихоокеанского региона, в 2002–2003 гг. доля населения с ежедневным душевым доходом, равным или меньшим 1,25 долл. по паритету покупательной способности, составляла 42–46%⁵.

Однако, несмотря на тяжелое социально-экономическое положение населения, оппозиционные настроения, прежде всего исламистского толка, открытые вспышки недовольства и происходящие время от времени террористические акты, правящий в Узбекистане режим оказался весьма долговечным. Этому способствовало несколько факторов.

Во-первых, широко распространенное представление о том, что падение благосостояния масс автоматически вызывает политическую дестабилизацию, не соответствует действительности. Опыт многих бедных стран свидетельствует, что сам по себе низкий и даже очень низкий уровень жизни не приводит автоматически к политическим переворотам. Пауперизированные слои, озабоченные прежде всего проблемой выживания, как правило, деклассированы, деполитизированы и в значительной своей части криминализованы. Они охотно участвуют в массовых беспорядках, в том числе на этнической или религиозной почве, но не способны к более или менее осознанному акциям протеста. Такие беспорядки легко вспыхивают, но также легко подавляются вооруженной силой, если только бунтующие массы не организованы и не направляются теми или иными политическими или преступными группами, либо религиозными движениями. При этом

Рис. 2. Доля населения с доходами ниже национальной черты бедности, 2007 (официальные данные, %)⁶

от 2 до 3 млн человек — примерно половина экономически активного мужского населения Узбекистана — регулярно уезжают на заработки в Россию, еще около 250 тыс. человек — в Казахстан. Их суммарные денежные переводы на родину оцениваются в 2–3 млрд долл. в год⁷. Эти средства несколько смягчают положение малообеспеченных слоев. Главное, однако, в другом: из страны уезжают мужчины работоспособного возраста, многие из которых неплохо образованы. По оценкам ПР ООН, 33,3% трудовых мигрантов из Узбекистана имеют высшее образование, 31% — среднее, 26,2% — среднее специальное⁸. Это значительная, возможно, большая часть тех, кто мог бы составить основную ударную силу массовых выступлений политического характера.

Во-вторых, для того чтобы раздражение и недовольство властью, вызванное социально-экономическими невзгодами, переросло в политические действия, необходимы более или менее организованные и активные силы, способные предложить понятные массам лозунги и программу действий и мобилизовать их на борьбу с режимом. В Узбекистане легальная оппозиция — как светская, так и религиозная — отсутствует, ее лидеры и активисты находятся в эмиграции, а некоторые — физически ликвидированы. Нелегальные организации, главным образом исламистского толка, либо базируются за пределами страны, как, например, *Исламское движение Узбекистана* и *Союз исламского джихада*, либо, как *Хизб-ут-тахрир*, действуют в глубоком подполье, что естественно, до предела сужает зону их непосредственного влияния. Лица и группы, уличенные или заподозренные в несанкционированной государством общественной и религиозной деятельности, немедленно подвергаются репрессиям. Жестокие карательные меры предотвращают перерастание оппозиционных настроений в более или менее организованные формы оппозиционной деятельности. В этих условиях происходящие время от времени выступления против власти носят стихийный характер и ограничены локальными рамками.

В-третьих, — и это самое главное — анализ событий 1989–1991 гг. в бывшем СССР, *цветных революций* в Грузии, Украине и Киргизии, государственного переворота в Киргизии в 2010 г., а также недавних переворотов в арабских странах показывает, что падение правящих режимов происходило при сочетании двух взаимно стимулирующих друг друга процессов: протестных выступлений населения и раскола правящей элиты, часть которой добивается смены высшего руководства и использует массы для давления на правящую верхушку или ее устранения. Как правило, именно раскол элит, в первую очередь высшего эшелона власти, является ключевым фактором падения режима. Государственный, в том числе репрессивный, аппарат оказывается дезориентирован, ослаблен, а нередко парализован, поскольку бюрократия не знает, какая именно группировка наверху пирамиды власти в конечном итоге одержит победу. Заметно расширяется свобода действий региональных элит. Снижается противодействие сепаратистским настроениям и тенденциям. Прогрессирующая слабость власти стимулирует массовые оппозиционные акции, создает условия для формирования антиправительственных структур или выхода их из подполья и усиления давления на государственные институты.

Разумеется, о подлинных настроениях узбекистанской элиты судить невозможно. Она хорошо усвоила правила игры и всячески демонстрирует преданность президенту Каримову. Последний, в свою очередь, пресекает любые проявления реальной или предполагаемой нелояльности во всех слоях бюрократии; проводит регулярную ротацию кадров на национальном и региональном уровнях, препятствующую формированию более или менее устойчивых и сплоченных клик в бюрократическом аппарате, а также достаточно успешно поддерживает баланс сил и влияния территориальных кланов

и группировок, поощряя их соперничество и предотвращая таким образом формирование коалиции, способной бросить вызов его власти.

Тем не менее политическое будущее Узбекистана далеко не оптимистично. Так, эксперты Объединенной евразийской экспертной сети охарактеризовали политическую ситуацию в Узбекистане как «временно достаточно стабильную», однако, подчеркнули они, «режим крайне неустойчив». Был отмечен «большой конфликтный потенциал в обществе и в элитах в скрытом состоянии». Часть экспертов «оценила Узбекистан как *бомбу замедленного действия* в силу геронтологического фактора (возраст национального лидера). Наличие нескольких группировок в среде элит, острейшие социально-религиозные проблемы в Ферганской долине также негативным образом сказываются на устойчивости политического режима в Узбекистане»⁹. Известно также немало других свидетельств того, что в ближайшие годы Узбекистан столкнется с так называемым *кризисом престолонаследия*.

КРИЗИС ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ

Кризис престолонаследия является неудачным, но, похоже, единственно возможным русским эквивалентом широко распространенного англоязычного термина *succession crisis*. Последний означает кризис, поражающий авторитарный режим в процессе смены высшего руководства при отсутствии заранее согласованного и принятого большинством правящей элиты преемника уходящего или ушедшего лидера. Действительно, в процессе смены высшего руководства в авторитарном режиме возникает, хотя обычно на относительно короткий период времени, вакуум власти. Исчезает фигура, способная контролировать и сдерживать соперничающие бюрократические кланы, командование армии и органов безопасности. Все они могут столкнуться друг с другом в борьбе за власть, которая ведет к ослаблению, параличу и распаду государственного аппарата и, в конечном итоге, к дезинтеграции страны. Но даже если смена лидера проходит достаточно гладко, она влечет за собой временное ослабление власти, поскольку новому правителю требуется консолидировать вокруг своей фигуры основные элитные группы, откорректировать систему сдержек и противовесов и создать собственную достаточно надежную политическую и силовую базу. В этот период оппозиция, если она имеется, обретает дополнительные возможности для выхода из подполья, эскалации протестных выступлений и мобилизации сторонников. В итоге переход власти от ушедшего или уходящего лидера к новому является одним из самых опасных моментов в эволюции авторитарных режимов того типа, который характерен для бывшего СССР.

Кризис престолонаследия возможен в тех случаях, когда в данном обществе отсутствуют принятые правила определения преемника уходящего лидера. В демократической системе преемник определяется путем выборов, в монархической — принят принцип передачи власти по наследованию. В бывшем СССР, нынешнем Китае и большинстве других тоталитарных режимов действует механизм *политбюро* или *конклава*: преемник выбирается узким кругом лиц, составляющих высшее руководство страны, список которых определен заранее и не может быть изменен в процессе принятия решения о *престолонаследии*¹⁰.

В авторитарных режимах, возникших в государствах бывшего СССР, особенно в южной его части, зафиксированный в конституциях порядок выбора преемника имеет сугубо формальный характер, а сколько-нибудь устоявшегося реально действующего механизма его определения нет. В 1999–2000 гг. в России и в 2003 г. в Азербайджане преемники Бориса Ельцина и Гейдара Алиева были ими заранее отобраны и согласованы с основными группировками и фигурами в бюрократической, военной и деловой элитах. В 2008 г. Владимир Путин сохранил за собой ключевую роль в бюрократической системе,

выдвинув на высший пост в государстве фигуру заведомо несостоятельную. Его возвращение в Кремль также было заранее запрограммировано и никем в высших слоях элиты не оспаривалось.

В Туркменистане после неожиданной смерти президента Сапармурата Ниязова преемник был выбран своего рода хунтой, состоящей из 5–6 человек — руководителей вооруженных сил и служб безопасности, которые в течение нескольких часов согласовали кандидатуру будущего лидера и затем обеспечили его утверждение на вершине бюрократической пирамиды. Такая оперативность косвенно свидетельствует о том, что для членов хунты смерть Ниязова не была неожиданной. Но важнее другое. За время своего правления Ниязов устранил с политической арены практически все более или менее значимые и относительно самостоятельные фигуры, опиравшиеся на поддержку семейных или региональных кланов. В итоге для утверждения Гурбангулы Бердымухамедова новым лидером потребовалось лишь согласие нескольких руководителей силовых ведомств.

Иными словами, в России, Азербайджане и Туркменистане *кризиса престолонаследия* не произошло. Однако исключать возможность его возникновения в процессе смены высшего руководства в Узбекистане (как, впрочем, и в Казахстане) невозможно. В этих странах новый лидер должен быть одобрен гораздо более широким, чем в Туркмении, кругом влиятельных фигур национальной элиты. Похоже, однако, что в Узбекистане нет очевидной кандидатуры преемника, который мог бы устроить как самого Каримова, так и ключевые узбекские кланы, бюрократические клики, командование армии и другие силовые структуры¹¹.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И КЛАНОВАЯ СИСТЕМА УЗБЕКИСТАНА

В большинстве своем эксперты согласны с тем, что современные институты — СМИ, нормы права и судебная система, конституция, партии, парламент, выборы — играют в Узбекистане декоративную роль. Подлинная политика в этой, как и многих других постсоветских странах, делается за непроницаемыми для постороннего взгляда стенами президентской резиденции Ак-Сарай и определяется двумя факторами. *Во-первых*, действиями и решениями самого президента, сочетающего в себе черты традиционного правителя досоветского периода и первого секретаря ЦК республиканской компартии. *Во-вторых*, взаимодействием неформальных группировок, возникающих в элитных слоях, друг с другом и с высшим руководством страны.

Власть в Центральной Азии, отмечается в одном из докладов ПР ООН, «неформально децентрализована и распределена по клановым структурам. [...] Степень распространения власти среди различных групп отличается по странам и принимает разные формы, но в целом объединяет опору на институты государственного контроля, типичную для советской эпохи, в сочетании с местной традицией опоры на личные связи и протекционизм. [...] Система неформального правления усилилась в переходный период и повысила влияние существующих кланов и групп на государство, что в результате ослабило государственные структуры, особенно за пределами президентского кабинета»¹². В России и странах бывшего СССР такого рода неформальные группы обычно называют кланами. Западные эксперты, как правило, кланами считают только группы, связанные семейно-родственными отношениями, и предлагают иные термины (*power networks, power brokers*), описывающие различные разновидности такого рода политических и социальных субъектов.

Элиты стран южной периферии бывшего СССР структурированы в виде устойчивых неформальных групп, формирующихся на основе семейно-родственных связей, территориальной общности происхождения и/или

Рис. 3. Политические регионы Узбекистана¹³

совместной карьеры в бюрократическом аппарате. Нередко эти факторы связаны друг с другом: семейные отношения во многих случаях возникают в районах совместного проживания, а дальние и близкие родственники, являющиеся одновременно выходцами из одной и той же местности, поддерживают один другого в бизнесе или карьере. Фактически такого рода кланы представляют собой иерархически организованную совокупность клиентелл, для которых характерны высокий уровень внутренней солидарности и лояльность по отношению к патронату. Принадлежность к ним является важным, а в ряде случаев необходимым условием для рекрутирования в элиту и продвижения по карьерной лестнице.

Клановая система Узбекистана формировалась на протяжении последних 100–120 лет по территориальному принципу. До российского завоевания большая часть его нынешней территории входила в состав трех государств, границы между которыми менялись и не совпадают с нынешним территориально-административным делением страны. С долей условности можно считать, что восточная часть Узбекистана (Ташкентская, Наманганская, Андижанская и Ферганская области) принадлежали Кокандскому ханству. Центральный и южный регионы (Бухарская, Самаркандская, Кашкадарьинская, Сурхандарьинская, Джизакская и частично Навоийская области), а также большая часть современного Таджикистана — Бухарскому эмирату. Западные и северо-западные территории — Хорезмская область и Автономная республика Каракалпакия входили в состав Хивинского ханства, распространявшегося также на значительную часть Туркмении. Это стало одним из факторов разделения Узбекистана на своего рода *политические регионы*, различающиеся по экономическим, социально-психологическим и политическим характеристикам,

Особую роль в экономике и политике Узбекистана играют три таких региона — Ферганский, Ташкентский и Самаркандско-Бухарский. В них в совокупности производится почти 75% ВВП и проживает более 60% населения. Соответственно, региональные элиты контролируют основные экономические ресурсы страны и связанные с ними финансовые потоки, а выходцы из этих регионов составляют большую часть центрального бюрократического аппарата.

Таблица 1. Население, площадь, ВВП политических регионов Узбекистана
(% от общего показателя по стране)¹⁴

Регионы	Население	Площадь	ВВП
Каракалпакия	5,8	37	3
Хорезмский	5,6	1	4
Фергана	28,0	4	21
Ташкентский	17,2	4	31
Самаркандско-Бухарский	19,8	38	22
«Суркаш»	16,7	11	15
Джизакский	6,1	6	3

Для Ферганского региона характерны очень высокий уровень аграрного перенаселения (средняя плотность населения составляет 426 человек на квадратный километр, что почти в 7 раз выше средней по стране), склонность к традиционному образу жизни и высокая религиозность¹⁵. Ферганские узбеки считают себя *чистыми узбеками*, то есть в наименьшей степени смешанными с другими этническими группами — таджиками, киргизами, казахами и т.д. Исторически Ферганская долина была главным центром распространения ислама в Центральной Азии. В советский период там возник

Рис. 4. Плотность населения областей Узбекистана

так называемый *народный ислам*, не признаваемый официальным Духовным управлением мусульман Средней Азии. С начала 1990-х гг. этот регион стал зоной действий радикальных и экстремистских исламских организаций и движений.

Самаркандско-бухарский регион отличается от других частей страны прежде всего большей долей персоязычного, главным образом таджикского населения. Граница между Таджикистаном и Узбекистаном была проведена так, что около миллиона узбеков оказались на таджикской территории и почти два миллиона таджиков в Узбекистане, главным образом в Самаркандской, Бухарской и южной части Джизакской области¹⁶. Некоторые источники утверждают, что сделано это было во многом потому, что исторически именно таджики, как часть обширного культурно-этнического иранского ареала, представляли собой подлинную элиту Центральной Азии, ослабление которой рассматривалось как важный фактор утверждения сначала российского, а затем советского господства над этим регионом.

Официально, в Узбекистане таджиков насчитывается примерно 1,2 млн человек, или около 5% населения. По таджикским оценкам, которые разделяют многие независимые исследователи, реально в стране проживает от 6 до 7 млн таджиков (между 20 и 25% населения), большинство из них подвело узбекизации и в государственной статистике считается узбеками. Независимые эксперты из Узбекистана отмечают, что «таджики, десятилетиями ассимилируемые узбеками, не забывают, что Самарканд и Бухара [...] — их города. Экономическое положение в населенных таджиками районах гораздо тяжелее, чем в среднем по стране, об иностранных инвестициях там и не мечтают. Естественно, что таджики первыми отреагируют на экономические или политические коллизии»¹⁷. Таким образом, соперничество между самаркандско-бухарскими и остальными кланами имеет, помимо всего прочего, еще и этнический компонент, уходящий своими корнями в соперничество между Бухарским эмиратом и Кокандским ханством.

Ташкентский регион наиболее развит в экономическом отношении, в него направляются основные инвестиции. Этот регион, особенно Ташкент, — самая европеизированная часть страны. Здесь сосредоточена национальная интеллигенция, доминирующая в науке и искусстве, которая с середины прошлого столетия срашивалась с партийно-хозяйственной элитой. Ташкентская верхушка считается наиболее образованной, для нее характерен либеральный образ жизни и средний уровень религиозности.

В этих регионах сформировались ключевые элитные кланы, точнее своеобразные клановые конгломераты, играющие в Узбекистане доминирующую роль: ташкентский, самаркандско-бухарский, в котором преобладают самаркандские группировки, и ферганский. Частью самаркандского конгломерата обычно считают джизакский клан, место которого в политической жизни Узбекистана обусловлено тем, что уроженцем Джизакской области был Шараф Рашидов, харизматичный первый секретарь ЦК республиканской компартии в 1959–1983 гг.¹⁸.

Самаркандско-бухарский клановый конгломерат исторически связан с элитами бывшего Бухарского эмирата, а ферганский и ташкентский — Кокандского ханства. Некоторые входящие в них семейные группировки ведут свое происхождение от аристократических и купеческих семей, а также *ходжей* — потомков исламских миссионеров арабского и персидского происхождения, породнившихся с местной феодальной верхушкой. После распада Российской империи среднеазиатские элиты раскололись: одни выступили против большевиков, были уничтожены или эмигрировали, другие стали сотрудничать с новой властью, стремясь таким образом сохранить свое привилегированное положение. Большевики, в свою очередь, не могли «обрести какой-либо социальной базы среди местного населения. Опирались на рабочий

класс было невозможно за отсутствием такового, массы дехкан-мусульман совершенно не воспринимали *самое передовое учение* и непрерывно восставали, а люмпен-интеллигенция [...] — руководящая сила революционного движения в России — в Средней Азии не успела сложиться. В результате большевики воспользовались услугами традиционной элиты»¹⁹.

С середины 1920-х гг. и вплоть до прихода в 1959 г. на высший пост в Узбекистане Шарафа Рашидова, у власти попеременно находились представители ферганского и ташкентского кланов, которые стремились расставить на ключевые посты в республике лично лояльных им людей. Роль *кланового фактора* в Узбекистане была ослаблена, но лишь на короткий период террором 1936–1938 гг., когда была уничтожена большая часть бывшей номенклатуры и интеллигенции. В известной степени влияние клановых интересов ограничивалось контролем со стороны Москвы, представителями которой были вторые секретари ЦК республиканской компартии и руководители республиканского КГБ²⁰.

После прихода Рашидова к власти в 1959 г. многие представители ташкентского и ферганского клановых конгломератов, занимавшие высшие посты в республике, были заменены выходцами из Самаркандского и Джизакского регионов. Одновременно контроль Москвы за кадровыми назначениями в Узбекистане — в этой области в первую очередь сосредоточены клановые интересы — был заметно ослаблен. С одной стороны, это было связано с тем, что Рашидов пользовался доверием и расположением Брежнева. С другой — тем, что в 1970-е гг. разветвленная коррупционная сеть, охватывающая практически всю партийно-хозяйственную элиту Узбекистана, распространилась на ряд союзных министерств и подразделения аппарата ЦК КПСС, курировавших партийные органы и, следовательно, номенклатурные назначения в Средней Азии.

В 1980-е гг. в результате расследования так называемого *узбекского дела* — серии крупнейших в бывшем СССР уголовных дел о коррупции в МВД, хозяйственных и партийных органах, в Узбекистане произошли серьезные сдвиги в соотношении сил и влияния различных клановых конгломератов. В ноябре 1983 г., после смерти Рашидова, обстоятельства которой до сих пор остаются неясными, первым секретарем ЦК компартии Узбекистана был назначен выходец из Ферганской области Иманджон Усманходжаев²¹. Во время его пребывания у власти, в 1983–1988 гг., в республике под предлогом борьбы с рашидовщиной и коррупцией произошла массовая замена руководящих кадров. В общей сложности было осуждено более 20 тыс. человек как из высших, так и, главным образом, из средних и низших звеньев партийного и государственного аппарата²². На ключевые посты назначались в основном выходцы из ферганского региона.

В апреле 1988 г., после снятия с должности и ареста Усманходжаева, руководителем республики был назначен Рафик Нишанов²³. Скорее всего, Нишанов был выдвинут на этот пост, во-первых, потому что, будучи послом в Шри-Ланке и затем в Иордании, он на протяжении 15 лет находился за пределами Советского Союза и, как полагали в Москве, был оторван от узбекских интриг и клановых столкновений, а также не вовлечен в коррупционные связи и скандалы. Во-вторых, Нишанов принадлежал к ташкентскому клану, остававшемуся до того момента в стороне от противостояния *ферганцев* и *самаркандцев*. Началась новая волна кадровых чисток и репрессий, причем на место выходцев из ферганского региона назначались в первую очередь представители ташкентского кланового конгломерата.

Правление Нишанова было очень коротким. Летом 1989 г. в нескольких областях Узбекистана, прежде всего в Ферганской, произошли массовые погромы турок-месхетинцев²⁴. В результате Нишанов был переведен на работу в Москву, а на его место был назначен бывший до того первым секретарем

Кашкадарьинского обкома компартии Ислам Каримов²⁵. Своим выдвижением на этот пост он был обязан поддержке, во-первых, Нишанова и, во-вторых, как отмечают практически все эксперты, одного из самых могущественных людей республики, неформального лидера самаркандского клана Исмаила Джурабекова²⁶. Москва, в свою очередь, видела в Каримове фигуру, способную стабилизировать обстановку в Узбекистане, не замеченную в коррупции и относительно не зависимую от кланового влияния.

20 ЛЕТ РЕЖИМА КАРИМОВА

Придя к власти в Узбекистане, Каримов столкнулся с двумя группами проблем. Во-первых, ему требовалось утвердить себя в качестве высшего лидера республики, опирающегося не только и не столько на поддержку центра, но и на собственную политическую и кадровую базу, которую предстояло создать. Это было достаточно сложной задачей, поскольку до назначения первым секретарем ЦК компартии он был руководителем относительно небольшой периферийной области, то есть входил во *второй эшелон* местной номенклатуры. Во-вторых, он должен был не допустить выхода событий из-под контроля в становившейся все более нестабильной и неопределенной обстановке в СССР на последней стадии перестройки.

Опираясь на поддержку Горбачева, Лигачева и Лукьянова, озабоченных тем, что ставшая широко известной антикоррупционная кампания в Узбекистане подрывает позиции партийного аппарата в стране в целом, Каримов добился прекращения расследований в рамках *узбекского дела*. Это сразу же укрепило его авторитет среди местной элиты и общественного мнения. Затем, отдавая себе отчет в том, что коммунистическая идеология окончательно себя скомпрометировала, Каримов стал искать альтернативу в исламе, устанавливая контакты с официальными и неофициальными исламскими кругами, а также с национально-демократическим движением, представленным появившимся в 1989 г. движением *Бирлик* и созданной в 1990 г. партией *Эрк*, стремился, часто не без успеха, привлечь на свою сторону популярные фигуры разной политической ориентации²⁷. В частности, в октябре 1990 г. Каримов включил в состав Президентского совета двух членом членом центрального совета *Бирлика*. Одновременно, в том числе под лозунгами борьбы с противником перестройки, Каримов продолжил начатое Нишановым ослабление ферганского клана, продвигая на освобождавшиеся посты выходцев из самаркандского региона. Кроме того, Каримов систематически искал и назначал на ответственные посты в госаппарат сравнительно молодых людей с хорошим образованием, не принадлежащих к влиятельным группировкам, формируя из них внеклановую опору своей власти.

Основные особенности нынешнего узбекского режима сформировались в первые несколько лет после распада СССР. Исчезновение *союзного* центра как высшего арбитра, решавшего конфликты между различными группировками республиканских элит, подбиравшего и утверждавшего высшее руководство бывших советских республик, оставило Каримова, узбекские клановые конгломераты и политически активную часть общества наедине друг с другом. Это принципиально изменило характер, механизмы и методы борьбы за власть и влияние в Узбекистане, как, впрочем, в большинстве других новых независимых государств.

В этот период Каримов сумел утвердить себя в качестве единоличного властителя независимого Узбекистана. В декабре 1991 г. были проведены президентские выборы, на которых он получил около 88% голосов, а в 1995 г. на общенациональном референдуме президентские полномочия Каримова были продлены до 2000 г. На периферию политической жизни был отодвинут ферганский клан. Ведущие позиции в бюрократической иерархии оказались

занятыми представителями ташкентского и самаркандского кланов. «*Ферганцы* сейчас не представляют единой политической силы и готовы вступить в выгодные им тактические союзы с представителями других кланов и группировок. При этом *ферганцы* обладают достаточно серьезными финансовыми средствами. Кроме того, *ферганцы* крайне мобильны и готовы выставить большое количество сторонников»²⁸.

В начале 1990-х гг. была разгромлена национально-демократическая оппозиция, лидеры которой либо эмигрировали, либо были репрессированы. Ликвидированы исламистские организации *первой волны* (*Адолат*, *Ислам лашкарлари*, *Таблих*, *Товба*, *Нур* и др.), действовавшие в Ферганской долине. Их остатки перешли на нелегальное положение²⁹. С политической арены был устранен бывший в 1990–1991 гг. вице-президентом Узбекистана Шукрулло Мирсаидов, являвшийся до 1992–1993 гг. неформальным лидером мощного ташкентского клана. По мнению большинства аналитиков, в соперничестве с Каримовым Мирсаидов пытался опереться на национально-демократическую оппозицию, но не был поддержан ведущими кликами и лобби, в том числе из Ташкента, которые солидаризовались с Каримовым³⁰. На первое место в ташкентском клане стал государственный советник по организационно-кадровой работе Тимур Алимов, бывший вплоть до конца 2000-х гг. одной из важнейших фигур в окружении Каримова³¹.

К середине 1990-х гг. были сформулированы ключевые доктринальные установки режима, апеллирующие к типичным для традиционного менталитета патернализму, представлению об иерархии как естественной черте социальной утробы и сакрализации власти. Для нынешней политической идеологии Узбекистана характерны культ основателя средневековой среднеазиатской империи Тамерлана (известного также под именем Тимура), который позиционирован в качестве исторического и культурного символа узбекской нации, концепция преданности человека государству и его главе и идея консолидации общества вокруг фигуры вождя (последняя, заметим, начала формироваться только после завоевания Средней Азии большевиками).

Во второй половине 1990-х гг. политическая ситуация в Узбекистане была относительно стабильной, но к концу десятилетия заметно осложнилась. В академической литературе и аналитической публицистике широко распространено мнение о том, что в результате разгрома национально-демократических сил оппозиционно настроенные слои населения, за неимением лучшего, обратились к нелегальным исламским организациям, которые аккумулируют и артикулируют их настроения и взгляды придавая им религиозную форму. Эта точка зрения в известной мере справедлива. Она, однако, не учитывает того обстоятельства, что демократические убеждения распространены главным образом среди высокообразованной интеллигенции крупнейших городских центров, прежде всего Ташкента, тогда как носителями радикальных исламистских взглядов являются в первую очередь средние и низшие слои, причем, как уже говорилось, главной зоной распространения исламистских движений является Ферганская долина.

Как бы то ни было, в 2000-е гг. в Узбекистане сформировались три узла политических взаимодействий, противоречий и противоборства. Первый — между режимом Каримова и исламистскими организациями и движениями, ставящими своей целью создание сначала в Узбекистане, а затем в большей части Центральной Азии нового халифата. Главную роль среди этих организаций играют *Исламское движение Узбекистана (ИДУ)* и *Исламский джихад*, базирующиеся в Афганистане, и *Хизб-ут-тахрир*, действующая внутри страны. Первые две выступают за вооруженную борьбу против режима, тогда как *Хизб-ут-тахрир* делает ставку на политические методы, прежде

всего интенсивную популяцию и проникновение в государственный аппарат, средства массовой информации и образовательные центры. *Исламский джихад* взял на себя ответственность за террористические акты в Ташкенте в апреле 2004 г.

Интересы ИДУ сосредоточены прежде всего в Ферганской долине, выходы из которой образуют костяк движения. Стратегия этого движения во многом построена на рецептах Че Гевары — прорыв в Ферганскую долину, создание там *партизанского очага* и привлечение на свою сторону дискриминированных слоев населения. В 1999 и 2000 гг. вооруженные отряды ИДУ пытались прорваться в Узбекистан через киргизскую территорию, причем в августе 2000 г. их часть достигла Узбекистана и была уничтожена узбекским спецназом всего в 80 километрах от Ташкента³². После падения режима талибов ИДУ было вынуждено перебазироваться в пограничную с Пакистаном часть Афганистана, что, по сути дела, блокировало возможности проникновения его отрядов в Таджикистан и Киргизию, а оттуда — в Узбекистан. Однако в случае падения режима Карзая и ухода войск международной коалиции из Афганистана ИДУ вновь станет серьезной угрозой для Каримова.

Следующее средоточие политических взаимоотношений — противоборство ташкентского и самаркандского кланов. Публикации независимых экспертов полны живописных, хотя далеко не всегда точных, описаний придворных склок, интриг и соперничества за ключевые посты в правительственном аппарате и влияние на президента. Последний, в свою очередь, поощряет такое соперничество, видя в этом средство сохранения собственной власти и устраняет с политической арены фигуры, обретающие, с его точки зрения, чрезмерно большое влияние или заподозренные в желании занять его место. Так, в 2004 г. из президентского окружения был удален Джурабеков, обвиненный в превышении должностных полномочий. С этого момента в качестве главной фигуры самаркандского клана обычно называют секретаря Совета национальной безопасности Узбекистана Мурада Атаева. В конце 2000-х гг. с поста Государственного советника ушел — или был снят — Тимур Алимов, считавшийся вторым после Каримова человеком в государстве. Как правило, удаленные с политической арены фигуры из высшего эшелона власти отделяются отставки, домашним арестом или условными сроками. Это позволяет высшей узбекской номенклатуре избежать наихудшего варианта, проявив раскаяние и продемонстрировав преданность Каримову.

Особое место в политической истории Узбекистана занимают андижанские события 2005 г., движущие силы, характер и последствия которых до сих пор являются предметом дискуссий. Фактическая канва событий выглядит следующим образом. В феврале 2005 г. в Андижане начался судебный процесс над 23 бизнесменами, обвиненными в участии в запрещенных фундаменталистских организациях и сотрудничестве с Акрамом Юлдашевым, исламским теологом, создавшим религиозную группу *Акрамия*³³. В середине мая 2005 г. несколько групп вооруженных людей захватили помещение войсковой части, городскую тюрьму, выпустили несколько сот содержащихся в ней заключенных, а затем разгромили здание областной администрации. Беспорядки были жестоко подавлены силами МВД и армии, количество жертв достигло нескольких сотен человек.

Каковы бы ни были их причины, андижанские события нанесли тяжелый удар по международным позициям Каримова, которого на Западе обвинили в *чрезмерном применении силы*, приведшем к многочисленным человеческим жертвам. Резко осложнились отношения Узбекистана с США. Заметные изменения произошли в окружении Каримова. В отставку были отправлены тогдашний министр внутренних дел Закирджон Алматов, один из видных деятелей самаркандского клана, а также крупный выдвиженец ташкентцев, тогдашний министр обороны Кадыр Гулямов. Последне-

го обвинили в чрезмерной симпатии к США и лоббировании американских интересов, что в условиях обострившихся до предела отношений с Соединенными Штатами действительно было своего рода вызовом политике президента. Впрочем, Гулямову, выходцу из родовитой семьи ташкентской интеллигенции, тюремное заключение было заменено домашним арестом. И, наконец, произошло заметное ужесточение репрессий, в первую очередь, преследования лиц, уличенных или заподозренных в участии в исламистских организациях.

К концу 2000-х гг. в эпицентре закулисной политической борьбы оказался вопрос о преемнике нынешнего президента, которому в январе 2008 г. исполнилось 70 лет. Очередные, третьи по порядку президентские выборы, состоявшиеся в декабре 2007 г. в нарушение конституции Узбекистана, были одним из признаков того, что в то время Каримов не определился с кандидатурой преемника. Скорее всего, этот вопрос не решен по сей день.

ВОЗМОЖНЫЕ ПРЕЕМНИКИ КАРИМОВА

Разумеется, предсказать, кто, в конечном итоге, станет следующим президентом Узбекистана и каким будет сценарий перехода власти, невозможно. Помимо всего прочего, Узбекистан — крайне закрытая страна, более или менее достоверных сведений о событиях и взаимоотношениях в высшем эшелоне власти практически нет, а те, что появляются время от времени в оппозиционных, находящихся за пределами Узбекистана СМИ, на самом деле могут быть дезинформацией, направленной на дискредитацию тех или иных влиятельных фигур и группировок. Тем не менее можно примерно очертить круг возможных претендентов на высшую власть после ухода Каримова и, частично, тех фигур и институций, которые будут играть решающую роль в процессе перехода власти.

Скорее всего, постоянно циркулирующие в ташкентском бюрократическом бомонде слухи о желании Каримова передать пост президента своей старшей дочери Гульнаре соответствуют действительности³⁴. Такой вариант, бесспорно, был бы оптимальным и для самого Каримова, и для его семьи. Одним из подтверждений этого может служить комментарий формально независимого информационного портала Узинформ относительно назначения Каримовой в начале 2010 г. послом Узбекистана в Испании. Перечислив ее выдающиеся достижения в дипломатии и развитии национальной культуры, автор комментария пишет: «...многие обозреватели в Центральной Азии небезосновательно полагают, что Гульнара Каримова является одним из важных претендентов на пост будущего Президента страны. В этой связи ей особо необходимо приобретение европейского опыта, с одной стороны, а с другой — временный отход от внутривнутриполитической карьере в современных условиях»³⁵. Не вызывает сомнений, что такого рода крайне деликатные материалы относительно семьи президента могут появиться в неэмигрантских узбекских СМИ только с санкции самого Каримова. Интригующе звучит последняя фраза. Похоже, это прямой намек на то, что в узбекской элите у нее есть немало противников или что ее репутация пострадала в результате каких-то не известных для внешних наблюдателей причин.

Однако как показывает опыт передачи власти в авторитарных и тоталитарных режимах, заранее отобранный преемник уходящего лидера должен, как минимум, несколько лет занимать одну из высших должностей в государстве с тем, чтобы разобраться как действуют негласные механизмы власти, какова реальная, неафишируемая иерархия, понять тонкости взаимоотношений ключевых, в том числе теневых, фигур бюрократического аппарата и — что особенно важно — создать в нем собственную опору. Будучи благодаря

семейным связям фигурой весьма влиятельной, Каримова, тем не менее, не имеет собственной *группы поддержки*, своего рода неформальной сети лично ей лояльных сторонников в государственном аппарате, армии и органах безопасности. Значительную часть времени она проводила и проводит вне Узбекистана, а самый высокий пост, который занимала — заместитель министра иностранных дел по вопросам международного сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере. Она много внимания уделяет своим бизнес-интересам, конструированию ювелирных украшений, модной одежды и тому подобное, а ее стиль жизни отличается некоторой экстравагантностью, вызывающей раздражение у традиционалистски настроенной узбекской элиты, не говоря уже об общественном мнении. Ее назначение на второстепенный пост посла в Испании означало, скорее всего, почетную, а может быть, и не слишком почетную ссылку. Это подтверждается тем, что в августе 2011 г. Каримова была снята с этой должности, и с того момента проводит большую часть времени в Женеве в качестве частного лица. Иными словами, нет оснований полагать, что она может играть сколько-нибудь самостоятельную политическую роль в Узбекистане ни в нынешних условиях, ни, тем более, в случае ухода ее отца из жизни или с политической сцены. С учетом этого она может оказаться на президентском посту только в качестве декоративного персонажа, за которым стоит группа фигур, имеющих реальную власть в стране.

По мнению многих экспертов, скорее всего, вполне обоснованному, на сегодняшний день наилучшие шансы стать преемником Каримова имеют премьер-министр Шавкат Мирзиёев и первый заместитель премьера Рустам Азимов.

Мирзиёев сравнительно молод — родился в 1957 г. в Джизакской области. Официально Мирзиёев узбек, но по неофициальным, более или менее достоверным данным — таджик, родившийся в Ураткубинской области Таджикистана. В начале 1960-х гг. его семья переехала в Зааминский район Джизакской

Долой паранджу. Ташкент — история одного города. Ташкент, 2009. С. 230.

области Узбекистана³⁶. Окончил Ташкентский институт ирригации и механизации сельского хозяйства. В первой половине 1990-х гг. Мирзиеев работал хокимом (глава администрации) одного из районов Ташкента. В 1996–2003 гг. руководил сначала Джизакской, а затем Самаркандской областями. Это дает основания считать его примыкающим к самаркандскому клану. Сам Мирзиеев позиционирует себя в качестве *надкланового политика*, что может свидетельствовать о президентских амбициях. Действительно, *надклановый* статус делает претендента на высший пост относительно приемлемым если не для всех, то, по крайней мере, для большинства соперничающих кланов и группировок. С 2003 г. и по сей день является премьер-министром Узбекистана и, одновременно, ответственным за сельскохозяйственный комплекс. По данным оппозиционных СМИ, поддерживает тесные политические контакты с Государственным советником президента по кадрам Умаром Исмаиловым, председателем Верховного суда Буритошем Мустафаевым и Зелिमхоном Хайдаровым, бывшим до июля 2010 г. управляющим делами аппарата президента. Можно с достаточной степенью уверенностью предположить, что Мирзиеев пользуется поддержкой самаркандского клана, особенно входящих в него лиц таджикского происхождения, в том числе министра внутренних дел Бахадура Матлюбова³⁷.

Оппозиционные СМИ видят причины длительного пребывания Мирзиеева на посту премьера в том, что он — выходец из того же региона, что и Каримов, разделяет одинаковые с Каримовым медленный, эволюционный подход к осуществлению экономических реформ, а также жестокий и грубый стиль руководства³⁸. Упоминается, что в начале деятельности Мирзиеева на посту премьера в бюрократических кругах Узбекистана сложилось ложное представление о нем как о недалеком, но старательном исполнителе указаний Каримова. Однако к концу десятилетия «Каримов постепенно стал отходить от дел насущных и все внутренние проблемы перекладывает» на плечи Мирзиеева³⁹. Последний проявил себя также как достаточно умелый интриган. Так, в конце 2000-х гг. он представил президенту компрометирующие материалы относительно принадлежащей Гульнаре Каримовой нефтяной компании *Зеромах*, что, возможно, стало одной из причин ее удаления из Ташкента и назначения послом в Испанию⁴⁰.

Соперником Мирзиеева в будущей схватке за президентский пост обычно называют его первого заместителя и практически ровесника Рустама Азимова. В отличие от премьера, Азимов хорошо образован и имеет разветвленные, в том числе родственные, связи в среде элитной ташкентской интеллигенции. Сын известного узбекского ученого Содика Азимова, окончил исторический факультет Ташкентского университета и магистратуру в Оксфордском университете. До 1990 г. работал в комсомольских организациях, в 1990 г. стал председателем правления первого в Узбекистане частного банка *Ипак йули*. Будучи одним из немногих узбекских экономистов, знакомых с функционированием рыночных механизмов, Азимов быстро продвигался по карьерной лестнице в банковско-финансовых структурах Узбекистана. В 1991–1998 гг. он возглавлял Национальный банк внешнеэкономической деятельности и, одновременно, был управляющим Европейского банка реконструкции и развития от Узбекистана. С 1998 г. — министр финансов, а с 2000 г. — периодически занимал должности заместителя и первого заместителя премьер-министра, министра финансов и министра внешнеэкономических связей. Одной из главных обязанностей Азимова является привлечение в страну иностранных инвестиций. На Западе считается сторонником рыночных реформ, хотя каких-либо серьезных оснований для этого нет, скорее, можно говорить о его прозападной ориентации. Он действительно выступает за тесное сотрудничество с Западом как в экономической, так и в политической областях. Азимов пользуется поддержкой ташкентского клана, к которому, что особенно важно, примы-

кают шеф узбекской Службы национальной безопасности (СНБ) Рустам Иноятов и министр обороны Кабул Бердыев⁴¹.

И премьер-министр, и его первый заместитель имеют серьезные шансы стать в ближайшие годы во главе Узбекистана. Оба они на протяжении длительного времени играют ключевые роли в узбекской экономике, создали собственные клики, пронизывающие бюрократический аппарат как в центре, так, что очень важно, на местах, пользуются поддержкой силовых ведомств. Однако и у того, и у другого имеется слабое место — принадлежность к наиболее сильным и влиятельным кланам. Приход каждого из них на пост президента приведет — или может привести — к установлению монополии данного клана на власть в стране, что, естественно, ущемит интересы всех других кланов, в том числе ферганского, контролирующего важный и одновременно весьма взрывоопасный регион. Следовательно, велика вероятность того, что, как только обозначится перспектива прихода в Ак-Сарай или Мирзиёева, или Азимова, другие кланы объединятся и окажут достаточно жесткое сопротивление. Такое развитие событий может вызвать существенное обострение борьбы за власть, раскол элиты и, таким образом, привести в действие механизм эскалации нестабильности вплоть до вооруженных столкновений и, в конечном итоге, дезинтеграции страны.

Избежать этого можно двумя путями. Первый — избрание президентом — на деле квазипрезидентом — Гульнары Каримовой, притом что реальная власть будет находиться в руках хунты, состоящей из руководителей правоохранительных и карательных органов, министра обороны, премьера и нескольких других наиболее влиятельных персонажей бюрократического аппарата. Фактически такой вариант означает ликвидацию института президентства как фактора, регулирующего взаимодействие кланов, клик, групп влияния в бюрократической иерархии, и замену президента неким коллективным органом. Это на некоторое время может предотвратить столкновение кланов в борьбе за власть, но не может гарантировать, что хунта не расколется на противостоящие группировки и в итоге ситуация выйдет из-под контроля и перерастет в полномасштабный политический кризис.

Второй возможный вариант — выдвижение в президенты представителя относительно маловлиятельного клана, который сможет более или менее эффективно поддерживать баланс сил и влияния в высших эшелонах власти. В этой связи нельзя игнорировать фигуру и политические перспективы нынешнего министра внешних экономических связей, инвестиций и торговли уроженца Сырдарьинской области Элера Ганиева, одного из самых молодых выдвиженцев Каримова. Ганиев в 1981 г. окончил факультет нефти и газа Ташкентского политехнического института. После службы в армии и, возможно, в КГБ работал в ведомствах, занимавшихся внешней торговлей. С 1990 по 2002 г. успешно поднялся по карьерной лестнице от старшего референта до министра внешних экономических связей. С октября 2002 г. Ганиев то поднимался до должности заместителя премьера, то спускался по карьерной лестнице до поста министра, но прочно вошел в узкий круг высшего руководства страны. В декабре 2010 г. был назначен заместителем премьера, отвечающим за весь комплекс внешних связей, и министром иностранных дел, но в январе 2012 г. был освобожден от этих обязанностей и возвращен на прежний пост министра внешних экономических связей. Министром иностранных дел был вновь назначен Абдулазиз Камиллов, который с 1992 г. входит в узкий круг ближайших к Каримову лиц⁴².

Можно предположить, что, хотя в начале 2012 г. Ганиев был передвинут на более низкое, чем ранее, место в бюрократической иерархии, его неформальные позиции в узбекской элите остаются весьма прочными. Можно предположить, что его кандидатура на пост президента будет поддержана ферганскими кланами, которые сейчас находятся в ущемленном положении. В свою очередь Ганиев или иная фигура, не принадлежащая к самаркандско-

му и ташкентскому кланам, заинтересованы в сотрудничестве с ферганским и другими, отодвинутыми в настоящее время от ключевых рычагов власти кланами, прежде всего хорезмским, для нейтрализации влияния ташкентцев и самаркандцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическое будущее Узбекистана зависит от того, смогут ли в критический момент ключевые группировки договориться между собой относительно кандидатуры будущего президента. Достичь такой договоренности в Узбекистане будет намного труднее, чем в Туркменистане в 2006 г., по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, в процесс согласования неизбежно должно быть вовлечено заметно больше фигур, клик, групп влияния и кланов, чем в Туркмении. Во-вторых, в Ташкенте не могут не помнить, что Бердымухамедов в течении одного-полутора лет уволил в отставку всех, кто привел его к власти на рубеже 2006–2007 гг. А это еще более затруднит процесс поиска и согласования приемлемых для всех кандидатуры преемника Каримова. Иными словами, политический кризис в Узбекистане если и не неизбежен, то вполне вероятен. Такой кризис, в свою очередь, болезненно скажется на положении в соседних с ним Киргизии и Таджикистане, в южных районах Казахстана и, возможно, в приграничной зоне Туркмении, скорее всего, приведет к усилению экстремистских группировок в северной части Афганистана, меняя расстановку военно-политических сил в этой стране. Может быть поставлена под вопрос транспортировка газа из Туркмении в Китай. Москва, Пекин и Астана могут быть втянуты в изнурительные операции по изоляции очага нестабильности в Ферганской долине и прилегающих к ней местностях. 🐼

Примечания

¹ Statement by the Director of National Intelligence John D. Negroponte to the Senate Select Committee on Intelligence. 2006. 2 February. http://www.fas.org/irp/congress/2006_hr/020206negroponte.pdf (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

² М. Брилл Олкотт. *Узбекская власть рухнет изнутри — элита сменит своего лидера (сценарии от американских экспертов)*. 2005. 19 мая. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1116482460> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

³ Индекс политической стабильности рассчитывается путем обобщения экспертных оценок. Его числовое значение отражает долю стран, для которых значение этого показателя ниже, чем в данном государстве. Так, минимальное значение индекса политической стабильности Узбекистана в 2005 г. предполагало, что лишь в 3% стран мира политическая стабильность считалась более низкой, чем в Узбекистане. *Источник*: Worldwide governance indicators. Worldbank, http://info.worldbank.org/governance/wgi/sc_chart.asp (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

⁴ UN. Department of economic and social affairs. Population division. Population estimates and projection section, http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/panel_indicators.htm (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

⁵ Предполагается, что при среднем душевом доходе в день менее 1,25 долл. по ППС человек не может приобрести продукты питания суммарной калорийностью 2100 ккал в день. *Источник*: Statistical yearbook for Asia and the Pacific, 2011. UN. ESCAP, 2011, October. P. 182.

⁶ Latif Norov. Linking dry lands and climate change to poverty in Uzbekistan. Center for Economic Research. Tashkent, Uzbekistan. Presentation: New Delhi, India. 2010. 24–26 November. <http://www.scribd.com/doc/44456300/Dryland-poverty-in-Uzbekistan-and-Central-Asia-presentation> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

⁷ Uzbekistan in figures. UNDP, http://statistics.design.uz/ru/data_finder/2455 (последнее посещение — 8 мая 2012 г.); Laruelle Marlene. Kazakhstan, the new country of immigration for Central Asian workers. *The CACI Analyst*. Central Asia — Caucasus Institute. 2008. April 30. <http://>

www.cacianalyst.org/?q= node/4848 (последнее посещение — 8 мая 2012 г.); Russian relations with an assertive Uzbekistan. *Wikileaks*, http://wikileaks.ch/cable/2010/02/10_MOSCOW337.html (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

⁸ Почему они едут? В Ташкенте вышла книга «Трудовая миграция в республике Узбекистан: социальные, правовые и гендерные аспекты». 2008. 27 ноября. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1227768120> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

⁹ Рейтинг устойчивости политических режимов в странах постсоветского пространства. Объединенная евразийская экспертная сеть (JEEN, Joint Eurasian Expert Network). 2010. 10 января. http://j-een.com/news_view/618/ (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

¹⁰ Конклав — собрание кардиналов, созываемое после смерти папы римского для избрания нового папы, происходящее в изолированном помещении, которое открывают лишь после избрания папы.

¹¹ В социологии обычно определяют *группы интересов* как неформальные объединения, возникающие на основе общности интересов, находящиеся вне формальных организаций и воздействующие на эти организации, в том числе на бюрократический аппарат извне. Под *кликкой*, как правило, имеют в виду неформальные группы, возникшие внутри формальных организаций и использующие эти организации для достижения своих целей. *Кланы* объединяют людей, находящихся как вне, так и внутри формальных организаций и использующих последние для своих целей. Кроме того, в отличие от групп интересов и клик кланы являются весьма устойчивыми объединениями, отличающимися высоким уровнем внутренней солидарности и лояльности.

¹² В будущее без барьеров. Региональное сотрудничество в области человеческого развития и обеспечения человеческой безопасности. Региональное бюро ПРООН по странам Европы и Содружества независимых государств. 2007. С. 198–199.

¹³ Грозин Андрей. Наследники Тамерлана. *Арабески*. 2005. 9 декабря. <http://arabeski.globalrus.ru/opinions/150389/> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.). Некоторые специалисты выделяют не семь, а пять основных регионов, объединяя Джизакский регион с Самаркандским, а Хорезмский с Каракалпакией.

¹⁴ Рассчитано по данным официальной узбекской статистики. <http://www.stat.uz/> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

¹⁵ Самая высокая плотность населения в Андижанской области — почти 600 человек на км², в Ферганской она составляет 455 человек на км², в Наманганской области — 302 человека на км².

¹⁶ Таранцев Анатолий. Таджики в Узбекистане: бросок к власти. Часть 2 (предыстория). 2009, 2 сентября, <http://ia-centr.ru/expert/5846/> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

¹⁷ Таксанов Алишер. Клановые интересы в экономике Узбекистана. 2008, <http://www.proza.ru/2008/09/14/507> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

¹⁸ Шараф Рашидов родился в Джизаке в 1917 г. Окончил филологический факультете УзГУ в Самарканде в 1941 г. В 1941–1942 гг. проходил службу в действующей армии. С 1942 г. — на ответственной работе в СМИ и партийных органах Узбекистана. Опубликовал несколько книг и сборников стихов. 1949–1950 гг. — председатель правления Союза писателей Узбекистана. С 1959 г. — первый секретарь ЦК КПУ. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Дважды герой Социалистического труда. Умер или покончил жизнь самоубийством в 1983 г. Его смерть связывают с расследованием так называемого *хлопкового дела* о массовых приписках в отчетах о сборе хлопка и коррупции в республике.

¹⁹ Трифонов Евгений. Узбекистан: портрет в среднеазиатском интерьере. <http://www.index.org.ru/others/trifonov.html> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

²⁰ Хорошо известно, что в советский период на должности второго секретаря республиканских компартий практически всегда назначались выходцы из РСФСР или других славянских республик. Менее известна статистика руководящего состава органов госбезопасности: из 26 человек, стоявших во главе секретной политической полиции Узбекистана с 1934 по 1991 г., только один, Юлдаш Бабаджанов, был уроженцем Центральной Азии. http://shildandsword.mozohin.ru/VD3462/ter_org?respublik/uzbek.htm (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

²¹ Иманджон Усманходжаев родился в Ферганской области в 1930 г. Этнический узбек. Отец — в 1942–1952 гг. председатель Ферганского облисполкома, в 1952–1977 гг. начальник эксплуатации Ферганского канала. С 1962 г. на советской и партийной работе в Ферганской, Сырдарьинской, Наманганской, Андижанской областях, в аппарате ЦК КПСС. В 1978–1983 гг. — председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. В 1983–1988 гг. — первый секретарь ЦК компартии Узбекистана. В 1988 г. арестован по обвинению в коррупции. В 1989 г. приговорен к 12 годам заключения. В 1990 г. — освобожден, в 1992 г. — реабилитирован.

²² Гдлян Тельман, Иванов Николай. Кремлевское дело. Ростов-на-Дону, 1994. С. 99; Иванов Николай. Следователь из провинции. СПб., 1995. С. 151–152.

²³ Рафик Нишанов родился в 1926 г. в Ташкентской области. С 1950 г. — на комсомольской, советской и партийной работе в Ташкентской области и городе Ташкенте. В 1956 г. окончил Ташкентский вечерний педагогический институт. Кандидат исторических наук. В 1963–1970 гг. — секретарь ЦК КП Узбекистана. В 1970–1985 гг. — посол СССР в Шри-Ланке и Иордании. В 1985–1986 гг. — министр иностранных дел Узбекистана; в 1986–1988 гг. — председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана. В 1988–1989 гг. — первый секретарь компартии Узбекистана. С июня 1989 г. — председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР.

²⁴ В июне 1989 г. в городах Фергана, Коканд, Ташлак и Маргилан произошли массовые погромы и убийства турок-месхетинцев. Были разгромлены Ташлакские райком компартии и райотдел внутренних дел. На короткие промежутки времени были захвачены здания Ферганского обкома компартии, Кокандского горотдела внутренних дел, несколько промышленных предприятий. В последующие месяцы беспорядки, волнения, несанкционированные митинги происходили в Наманганской, Ташкентской, Сырдарьинской, Самаркандской областях. Погибло, по разным данным, от 100 до 112 человек, из них 52 турка-месхетинца и 36 узбеков, травмы и увечья получили 1011 человек, ранено 137 военнослужащих внутренних войск и 110 работников милиции, сожжено и разграблено 757 жилых домов, 27 государственных объектов, 275 единиц автотранспорта. К концу июля 1989 г. было выявлено более 2 тыс. лиц, причастных к погромам, из них примерно 600 *активистов*. Судами осуждено около 100 человек, двое приговорены к высшей мере наказания. К началу 1991 г. Узбекистан покинуло более 90 тыс. турок. *Источник:* Осипов А. Г. Ферганские события: конструирование этнического конфликта. В кн.: Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М., 2004. С. 164–223.

²⁵ Ислам Каримов родился 30 января 1938 г. в Самарканде. По официальным данным — узбек. Практически все независимые источники называют Каримова либо наполовину узбеком, наполовину таджиком, либо таджиком, либо *ирони*, то есть узбекизированным иранцем. Выходец из малообеспеченной семьи. В 1960 г. окончил Политехнический институт в Ташкенте. С 1966 г. работал в Госплане Узбекистана; последняя должность — заместитель председателя. В 1983 г. назначен министром финансов Узбекистана, в 1986 г. — председателем Госплана и заместителем председателя Совета министров Узбекской ССР. В том же 1986 г. отправлен первым секретарем компартии в периферийную Кашкадарьинскую область. В 1989 г. назначен первым секретарем ЦК компартии Узбекистана. В марте 1990 г. Верховный Совет Узбекской ССР учредил пост президента и избрал на него Каримова. 29 декабря 1991 г. на национальных выборах избран президентом страны, победив председателя Демократической партии Узбекистана Эрк Мухаммада Салиха. В марте 1995 г. на референдуме президентские полномочия Каримова были продлены до 2000 г. 9 января 2000 г. Каримов был вновь избран на пост главы государства. В январе 2002 г. по инициативе Каримова состоялся референдум, увеличивший срок полномочий президента с пяти до семи лет. 23 декабря 2007 г. Каримов вновь избран президентом Узбекистана. Следующие президентские выборы должны состояться в 2014 г.

²⁶ Исмаил Джурабеков родился в Самарканде. По некоторым данным, вырос в одной махалле с Каримовым. Ирони. В *рашидовский период* сделал карьеру в управлении сельским хозяйством, помимо всего прочего контролировал распределение водных ресурсов, что делало его одной из наиболее влиятельных фигур в партийно-хозяйственной номенклатуре. С 1985 г. — заместитель председателя Совета министров Узбекистана; в 1985–1990 гг. — первый заместитель председателя Совета министров — председатель Госагропрома Узбекистана. До 1998 г. — заместитель премьер-министра, министр сельского хозяйства. В 1998 г. — вышел на пенсию. В 2000–2004 гг. — Государственный советник Президента Узбекистана по аграрным вопросам. До 2004 г. входил в узкий круг доверенных лиц Каримова. С марта 2004 г. находился под следствием по обвинению в хищениях в крупных размерах и превышении должностных полномочий. Кроме того, обвинялся в самовольном решении

вопросов, входящих в полномочия правительства, и незаконных указаниях. В начале 2005 г. покинул Узбекистан.

²⁷ Движение *Бирлик* (Единство) было создано в 1989 г. группой ташкентских интеллектуалов, видную роль среди которых играли тогдашний секретарь Союза писателей Узбекистана Мухаммед Салих, академик-биолог Бек Ташмухаммедов, секретарь партийной организации Института кибернетики Абдурахман Пулатов. Весной 1990 г. из него вышли несколько человек во главе с Салихом, создавшие партию *Эрк* (*Свобода*), выступившую с требованием независимости Узбекистана. В декабре 1991 г. Салих участвовал в президентских выборах, получил более 12% голосов. В 1993 г. и *Бирлик*, и *Эрк* были запрещены и фактически разгромлены властями. В ноябре 2000 г. Салих заочно приговорен к 15-летнему тюремному заключению по обвинению в терроризме. Салих относится к непримиримым врагам нынешнего режима, Пулатов, как считают многие узбекские политэмигранты, сотрудничает с режимом Каримова.

²⁸ Узбекистан. Кто станет преемником Ислама Каримова? 2010. 3 сентября. <http://www.newsland.ru/news/detail/id/554336/> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

²⁹ Тодуа З. Исламская оппозиция в Узбекистане до и после начала антитеррористической операции в Афганистане. 2002. 21 марта. <http://www.analitika.org/article.php?story=20050506111641797> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

³⁰ Шукрулло Мирсаидов родился в 1939 г. в Ленинабаде (Таджикистан). В 1959 г. окончил Ташкентский финансово-экономический институт. В 1959–1981 гг. работал в плановых органах города Ташкента. В 1981–1988 гг. — на руководящих должностях в Госплане и ЦСУ Узбекистана. В 1988–1989 гг. — заведующий социально-экономическим отделом ЦК компартии Узбекистана. В 1989–1990 годах — заместитель председателя. Председатель Совета министров Узбекистана. В 1990–1992 годах — вице-президент Узбекистана. В сентябре 1991 г. на сессии Верховного совета сторонники Мирсаидова безуспешно попытались сместить Каримова с поста президента, обвинив его в поддержке ГКЧП и стремлении к диктатуре. Во второй половине 1990-х гг. некоторое время возглавлял Координационный совет оппозиционных сил Узбекистана. Фактически находился под домашним арестом.

³¹ Тимур Алимов родился в 1936 г. Окончил Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства, АОН при ЦК КПСС. С 1969 г. — на партийной и административной работе в Ташкенте. С июня 1991 г. — Государственный советник президента Узбекистана по организационно-кадровой политике. Одновременно с 2000 г. — председатель Координационного совета по контролю при президенте Республики Узбекистан. В 2009 г. вместо Алимова Государственным советником по кадрам был назначен Умар Исмаилов.

³² Шустов Александр. Центральная Азия: синдром весеннего обострения. 2010. 20 марта. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1269086820> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

³³ Акрам Юлдашев родился в Андижане в 1963 г. В советский период работал преподавателем математики, позже руководил мебельной фирмой. В 1986 г. вступил в *Хизбут-ут Тахрир*, из которой вышел, по словам его сторонников, в 1988 г. В 1992 г. опубликовал брошюру *Иймонга йул*, посвященную исламским ценностям. Основал религиозно-просветительскую организацию Акромия. В апреле 1998 г. арестован по обвинению в хранении наркотиков, в декабре 1998 г. освобожден. Вновь арестован в феврале 1999 г. на следующий день после серии взрывов в Ташкенте, в организации которых были обвинены исламские радикалы и сторонники мохаммеда Салиха. Приговорен к 17 годам тюремного заключения за принадлежность к *Хизб-ут-Тахрир*. Освобождение Юлдашева входило в число требований мятежников в Андижане в 2005 г.

³⁴ Гульнара Каримова родилась в 1972 г. В 1994 г. окончила Ташкентский государственный университет. В 2000 г. получила степень магистра в Гарвардском университете. Доктор политических наук, профессор. В 1995 г. Каримова назначена советником министра иностранных дел. В 2003–2005 гг. работала советником-посланником посольства Узбекистана в России, до этого была советником постоянного представительства Узбекистана в ООН. В феврале 2008 г. назначена заместителем министра иностранных дел Узбекистана по вопросам международного сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере. В 2008 г. назначена постоянным представителем Республики Узбекистан при ООН и других международных организациях в Женеве. В 2010 г. назначена послом Узбекистана в Испании. Каримову считают одной из самых богатых и влиятельных женщин Узбекистана.

³⁵ Посол цивилизованного Востока. 2010. 11 марта. <http://www.uzinform.com/ru/news/20100311/03430.html> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

³⁶ Узбекистан. Кто станет преемником Ислама Каримова? 2010. 3 сентября. <http://www.newsland.ru/news/detail/id/554336/> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

³⁷ Баходур Матлюбов родился в марте 1952 г. в Самарканде. Этнический таджик. В 1973–1994 гг. работал в органах внутренних дел Самаркандской области. В 1994–1997 гг. — начальник УВД Бухарской области. В 1997–2004 гг. — первый заместитель министра внутренних дел Узбекистана. С февраля 2004 по январь 2006 г. — председатель Государственного таможенного комитета Узбекистана. С января 2006 г. — министр внутренних дел.

³⁸ Nosir Ja'far. Uzbekistan: Karimov's favorite became prime minister. *Muslim Uzbekistan*. 2005, 17 July, <http://archive.muslimuzbekistan.com/eng/ennews/2003/12/ennews11122003.html> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

³⁹ Норбутаев Я. Как ныне собирается грозный Шавкат? Премьер Мирзияев готовится отобрать президентское кресло у Каримова. 2010, 8 октября, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1286520720> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Кабул Бердыев родился в 1955 г. в Ташкентской области. В 1976 г. окончил Ташкентское высшее танковое командное училище; в 1988 г. — Военную академию имени М.В. Фрунзе; в 2002 г. обучался на высших академических курсах Военной академии Генерального штаба России. В 1998–2003 гг. — заместитель начальника Генерального (затем Объединенного) штаба Узбекистана. В 2003–2006 гг. — начальник Ташкентского командного училища. В 2006–2008 гг. — министр по чрезвычайным ситуациям. В июне–сентябре 2008 г. — заместитель министра обороны — командующий войсками Юго-Западного военного округа. 17 сентября 2008 г. назначен министром обороны Узбекистана.

Рустам Иноятов родился в 1944 г. в Кашкадарьинской области. В 1968 г. окончил факультет востоковедения Ташкентского государственного университета. Специализация — иранистика. Владеет персидским и английским языками. После окончания университета и службы в армии поступил на работу в КГБ СССР. В 1976–1981 гг. работал под дипломатическим прикрытием в Афганистане. С июня 1995 г. по настоящее время — председатель СНБ Республики Узбекистан.

⁴² Абдулазиз Камилев — кадровый сотрудник внешней разведки КГБ СССР. Родился в 1947 г. в Ташкентской области. Женат на дочери Шарафа Рашидова, что свидетельствует о том, что его семья принадлежала к высшему кругу узбекской элиты советского периода. Работал в Ливане и Сирии. В 1988 г. уволен из КГБ в связи с родством с Рашидовым. Благодаря знакомству с Е. Примаковым, тогда директором ИМЭМО АН СССР, Камилев в 1988–1991 гг. работал старшим научным сотрудником этого института. В 1992 г. переехал в Ташкент. В 1992–1994 гг. — заместитель председателя Службы национальной безопасности Узбекистана. В 1994–2003 гг. — первый заместитель министра, затем министр иностранных дел Узбекистана. В 2003–2010 гг. — посол Узбекистана в США. В 2010–2012 гг. — первый заместитель министра иностранных дел. С января 2012 г. — министр иностранных дел. Принадлежит к ташкентскому клану. По оценкам независимых узбекских наблюдателей, близок к Иноятовым.